

18+

ЮЛИЯ СТРУКОВА

И ПРИЙДЖЕ СПИРИДОНЕ

ЗДРАВСТВУЙ, ЧУДО

Юлия Струкова
И прийдже Спиридоне.
Здравствуй, чудо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39144232

ISBN 9785449366887

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В жизни каждого человека случаются чудеса. Эта книга о том, как научиться их видеть. Впервые эти истории были опубликованы в газете «Томская неделя».

Содержание

И прийдже Спиридоне	5
Вместо предисловия	6
Здравствуй, чудо	8
1. «Человек полагает, Господь располагает...»	9
2. Лишь бы дитя не заплакало	16
3. Все бы отдал за...	24
4. Держи карман шире	33
5. О курортных романах	40
6. Ангелы пусть отдохнут...	47
7. Тоска по не сбывшемуся	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

И прийдже Спиридоне Здравствуй, чудо

Юлия Струкова

© Юлия Струкова, 2018

ISBN 978-5-4493-6688-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И прийдже Спиридоне

Вместо предисловия

И вот он идет... Невысокий, ладный, крепкий, ярко-желтая курточка натянута на накачанные мышцы, а солнечная улыбка его освещает весь этот хмурый день и сумрачный лес.

Так появился Спиридон возле моего дома и возле моей жизни.

Однажды в момент отчаяния, когда не было уже сил ухватить замерзшей рукой ножовку, подняв глаза вверх, я прошептала низко висящим облакам: «Боже, пошли мне помощника!» Я точно помню этот день, поскольку это был мой день рождения. Человек я далекий от ритуалов религии, из молитв помню лишь «Отче наш», да и то с ошибками, и я не знала, сработает это или нет. Это был просто крик отчаяния.

И только опустила я очи долу – с покрытых тучами небес на уходящую в сумрачный лес дорогу, – тут я его и увидела. Мне показалось, из воздуха, деревьев и пожухлой травы – вдруг из всего этого таинственного пространства возник Спиридон. На Балканах (а дело происходило именно там) мальчиков часто называют этим именем в честь святителя Спиридона Тримифунтского, покровителя Балкан и Средиземноморья.

Спиридон помог с дровами, провел горячую воду и отладил водопровод, наладил электричество во дворе... Легче

сказать, чего он не сделал. И денег за это не взял, понимая, что взять-то с меня особо и нечего...

Появление этого человека я считаю одним из самых замечательных чудес моей жизни и от души желаю, чтобы в самые трудные минуты жизни у вас в жизни появился такой Спиридон.

Здравствуй, чудо

Я давно, лет двадцать назад, начала собирать истории о чудесах, которые мы не замечаем. Одни собирают марки, другие – монеты, а я – рассказы о проявлении чуда. Набралось их уже достаточно, в основном, от людей, которые, прочитав мои заметки, поделились и своими воспоминаниями.

Когда жизнь становится трудна, монотонна, когда она наполнена потерями и стрессами, иной раз помогает воспоминание о чем-то удивительном, что происходило когда-то. В жизни каждого человека случались такие моменты, к сожалению, лишь с годами мы учимся их ценить.

Чудо вовсе не обязательно должно являться к нам в виде ангелов небесных или летающей тарелки. Более того, если бы такое случилось, это могло бы свести нас с ума. Чудо происходит с нами в рамках той реальности, в которой мы способны его воспринять, не потеряв при этом разума и здравого смысла...

1. «Человек полагает, Господь располагает...»

Злясь на ситуацию, предъявляя претензии судьбе, порой мы даже не догадываемся, от чего были избавлены благодаря тем трудностям, которые на нас свалились.

Спасибо, что не пустили в самолет

Мне было года четыре с небольшим, брату не было еще и года, а моим родителям было всего-то по двадцать пять лет, и жили мы в Норильске, за Полярным кругом. Поскольку мы с братом часто болели, мама решила отвезти нас к бабушке, на юг Красноярского края. Папа нас провожал, купил билеты, но рейс все откладывали из-за непогоды. Папе нужно было возвращаться на работу, он так и не успел нас проводить. Мама осталась одна с двумя маленькими ребятами, несколькими узлами и небольшой сумкой с едой. Из-за задержки рейса еда почти заканчивалась. В небольшом буфетике аэропорта продавали только чай да черствое печенье.

Надо сказать, что самолеты тогда до Красноярска летали небольшие, на четырнадцать пассажиров, помещавшихся на жестких лавках вдоль корпуса самолета, и летели они по семь-восемь часов.

И вот, наконец, объявляют посадку. Мама, ухватив меня за руку, с братом на руках, со всеми узлами и сумкой становится на регистрацию. Нам с братом билеты еще не полагались. Рядом с контролершей (стюардесс тогда еще не было) стоял пилот самолета и отслеживал, кто полетит. Увидев маму с двумя детьми, он преградил ей путь.

– Самолет рассчитан на четырнадцать мест, осталось два, а вас трое. Полетите следующим рейсом. – И он пропустил двоих взрослых пассажиров, которые стояли позади нас.

– Но ребенок на руках, – горячо возражала мама, – мы и так третий день сидим в аэропорту, дети вымотались...

– Я сказал – нет. Не положено! – Летчик перекрыл полосатую дощечку-барьер и повел пассажиров на посадку. А мама горько заплакала от обиды. Неужели у человека сердца нет? Видит же, что дети маленькие, устали.

Самолет взлетел, мы только посмотрели ему вслед, мама продолжала плакать, а глядя на нее, и мы.

Прошло где-то с полчаса. Кое-как успокоив нас, мама вытирала слезы, когда мимо нее пробежала встревоженная контролерша. Увидев маму, она тронула ее за плечо:

– Женщина, самолет, тот, который вас не взял, он упал под Туруханском. Все погибли...

«У меня моментально слезы высохли, – потом вспоминала мама, – и хотя время было самое безбожное, я выскочила на мороз, посмотрела на небо и стала горячо молиться за душу того пилота, который своим упрямством нас фактически спас...»

В девяностые годы, во время первой чеченской был похожий случай, когда из какого-то горного селения вывозили мирных жителей. Женщину с двумя маленькими внуками пилот вертолета отказался брать на борт – мол, перегруз. Она и умоляла, и проклинала, и на колени падала. Не взял – и все.

Вертолет поднялся в воздух, но далеко отлететь не успел. Все оставшиеся на земле видели, как он загорелся в воздухе. С той бабушкой случилась истерика... Она кричала в голос и прижимала ребятишек к себе.

Дети увели от смерти

Скоро исполняется тридцать лет со дня землетрясения в Спитаке. Землетрясение было столь быстрым и неожиданным, что за полминуты уничтожило город. Как раз в те

дни в Спитаке отдыхала молодая пара. Поскольку детей еще не имели, отпуск им дали в декабре, и поехали они в Спитак к матери своего сослуживца.

У пожилой хозяйки жили двое внуков – мальчик лет двенадцати и девочка лет семи-восьми. В тот день мальчик собирался в горы, к дедушке-пастуху. Молодая пара решила отправиться вместе с ним, полюбоваться на горы. Взяли с собой корзину с едой, плед, фотоаппарат. И еще увязалась девочка с ними. Бабушка не хотела ее отпускать – устанет. Но отдыхающие заверили, что если девочка устанет, парень возьмет ее на руки.

Говорят, что перед землетрясением бывают какие-то приметы, предвещающие стихийное бедствие – змеи и ящерицы, прочие животные покидают насиженные места, чувствуя земные толчки. Но ничего подобного молодая пара не заметила. Они благополучно дошли до дедушки, выпили с ним чаю, вскипяченного на костре, отдохнули и двинулись в обратный путь, чтобы засветло вернуться в город, ведь в горах темнеет рано.

Еще спускаясь с горы, и взрослые, и дети замолчали от увиденного. Они не могли понять – может, заблудились, может мальчик-проводник вывел их в другое место? Мальчик шел, словно наполовину спал, механически передвигая

ногами.

Уже приехали спасатели, техника, но все происходящее все-таки казалось нереальным. Города не было. На его месте груды камней, развороченные стены, арматура. Мальчик плакал молча, просто шел, и слезы катились по щекам, девочка тихо причитала – звала бабушку.

Бабушку они увидели позже, она, видимо, собиралась коз во двор выгнать, да не успела. Так и лежала рядом с теми козами, придавленная каменной стеной.

Конечно, приезжая пара тут же включилась в работы по спасению, хотя вряд ли кого-то можно было спасти. Они вернулись часов в пять, а бедствие произошло около одиннадцати часов утра – через час после их ухода.

Позже они хлопотали перед армянскими властями – хотели усыновить брата и сестренку. Ведь дети им фактически жизнь спасли, да и себе тоже. Но из Армении ни одного уцелевшего ребенка не отпустили за пределы республики, ни одного не отправили и в детский дом – всех детей разобрали родственники.

– Что примечательно, – рассказывая эту историю, отметил приятель молодых свидетелей трагедии, – Лена и Славка во-

обще-то не любители походов. Их и в Томске-то в выходные за город не вытащишь. «Мы – дети асфальта». А тут собрались с утрачка и отправились, да еще ребяташек прихватили. Это просто чудо какое-то. Мы в отделе когда узнали про землетрясение в Армении, испугались на них, даже в списках жертв их фамилии искали...

О другом страшном землетрясении я слышала еще в школе. Девочка из параллельного класса, чья семья переехала из Ташкента в 1966 году, рассказывала, что спасла их кошка. Они жили в одноэтажном доме, который выходил во двор, огороженный толстой глинобитной стеной. Среди ночи кошка завопила ни с того ни с сего, да так, что разбудила всю многочисленную семью, а заодно – и соседей. Она рвалась на улицу, орала, изорвала оконную занавеску и выпрыгнула. Попав на улицу, продолжала орать истошным криком. Соседи, кто в чем был, повыскакивали на улицу, кто-то с детьми на руках, поскольку дети проснулись и тоже принялись орать. И тут дома, огороженные общим забором, начали оседать и разламываться на куски. Кого-то задело обломками, поцарапало. Но серьезно никто из людей не пострадал. Кошка спасла всех...

Ангелы-хранители? Случайность? Да какая разница, как назвать. Пощадила судьба, и спасибо ей за это. И разве не является случайность проявлением чуда в конкретной обстановке?

НОВКЕ?

2. Лишь бы дитя не заплакало

Эти невероятные истории – отголоски времен ГУЛАГа. И то чудо, о котором в каждой из них пойдет речь – это не только чудо спасения ребенка, но и чудо материнской любви...

Девочка в посылке

Собиралась эта история по разрозненным воспоминаниям детства, затем дополнялась какими-то наблюдениями, случайно услышанными обрывками разговоров. И гораздо позже, когда я сама уже держала на руках собственного ребенка, об истории наших бывших соседей в Норильске рассказала мне мама.

Боришкевичи были с Западной Украины. Тетю Тамару в Норильск, что называется, приволокли за косы (и в прямом, и в переносном смысле). В 1946 году, когда по лесам отлавливали бендеровцев, она, на тот момент пятнадцатилетняя девочка, «попала под раздачу». По поручению своей мамы несла в лес узелок с едой, поскольку в лесу скрывался ее дядя (возрастом едва ли на год ее старше). Пытали и избивали ее жестоко, потом затолкали в скотский вагон (целый состав таких девчонок и молодых женщин отправили тогда в Сибирь). В Красноярске пересадили на пароход, довели

до Дудинки, а от Дудинки до Норильска восемьдесят километров гнали пешком. Дело было в сентябре, и в Норильске уже лежал снег.

Из детства сохранилось одно воспоминание. Тетя Тамара и мама сидели за большим круглым столом, и каждая делалась какими-то переживаниями. А мне было лет шесть, и я сидела как раз под этим столом, скрытая скатертью с кистями и павлинами. Тетя Тамара вспоминала то, что потом не давало мне спать по ночам...

Девочек-украинок гнали по промерзшей дороге до Норильска. Вдруг одна из них запела:

«Дывлюсь я на небо, тай думку гадаю,
Чому я ни сокил, чому ни лэтаю...»

И вдруг все, кто шел в колонне, дружно подхватили:

«Чому же ты, Боже, мне крылов ни дал,
Я б зэмлю покинув и в небо злэтал...»

Видимо, такой силы было это исполнение, что у охранников выступили слезы. Девочек начали избивать прикладами, таскать за косы, чтобы прекратили песню.

В Норильске работы велись на рудниках: независимо от пола и возраста в основном занимались тем, что перетаскивали на поверхность из рудника тачки с рудой. Правда, с прибытием новой партии заключенных-мужчин, женщин перевели на подсобные работы.

Это были первые четыре года ее юности. А потом, когда ей было двадцать, она встретила дядю Володю. Он был тоже с Украины, на начало войны работал водителем, его взяли в плен немцы, а после освобождения Украины уже нашими войсками, отправили в ГУЛАГ.

В начале пятидесятых для политических заключенных появилось послабление. Касалось оно только Норильска или было во всех лагерях, не знаю. Но в Норильске заключенным, объединившимся в семью, давали место в «семейном» бараке. Это был такой же барак, как и остальные, просто одна пара отделялась от другой матерчатými занавесками.

Когда Тамара забеременела, и беременность была уже на седьмом-восьмом месяце, ее перевели на «легкий труд». «Легкотрудницы» ухаживали в медсанчасти за больными, стирали простыни и бинты, чистили и убирали. Тамара родила девочку, три месяца ей полагалось отпуска, а потом тюремные ясли – до года. А вот после года детей у матерей «изымали», направляли по детдомам, давали новые имена

и фамилии, то есть, даже если получишь свободу, найти потом своего ребеночка вряд ли сможешь.

До года девочке, которую назвали Любой, оставался месяц, когда и придумали Тамара и ее начальница-докторша план по спасению ребенка. Тамаре докторша как-то подарила свою старенькую кофточку, пожалела молодую старательную девушку. А потом врачиха увидела, какие красивые вышитые узоры появились на этой старой кофточке. Тамара оказалась великолепной вышивальщицей и белошвеей. Персонал медчасти в очередь становился за заказами, и по этому случаю ей даже делались небольшие послабления: раньше отпусками с работы, прикармливали – беременная все-таки. Владея ювелирными технологиями вышивания, мережки и т.д., Тамара для норильских медичек-модниц стала человеком незаменимым.

Поэтому, когда оставался месяц до года Любе, и ее должны были у матери отобрать, видя, как плачет Тамара, докторша решила ей помочь. У нее был приятель – летчик, с ним она и договорилась. Написана была справка о смерти ребенка, а Любочку, напоив маковым отваром (чтобы ребенок неожиданно не заплакал), запеленали и запаковали в посылку. Летчик, зная, что находится в посылке, довольно бережно положил ее рядом с собой. Еще недели за три Тамара написала своей матери на Украину, чтобы та ждала в Крас-

ноярске и нашла летчика с такой-то фамилией – он прилетит из Норильска. Большого она написать не могла. Через всю огромную страну мать Тамары добралась в Красноярск и встречала каждый рейс из Норильска. Наконец прибыл тот самый, летчик аккуратно передал женщине посылку, и так бабушка познакомилась с внучкой.

А потом, лет до семи Люба жила с бабушкой. Своих родителей она увидела, когда мы все вселялись в новый дом. На ул. Комсомольской, 30 мы с Боришкевичами оказались соседями. Туда-то и привезла бабушка Любу к родителям, уже освобожденным, но не до конца реабилитированным.

Мальш в чемодане

Эту историю рассказал мне тот самый бывший мальш, только теперь это был взрослый солидный человек, директор одной из томских гимназий. Я ее так и передам от первого лица.

«Мои родители поженились в студенчестве, на выпускном курсе, было это в конце войны. Они закончили медицинский и были направлены в Магаданскую область. Я родился, конечно, ослабленным, как и большинство, наверное, детей, родившихся в тех тяжелых условиях. После трехмесячного отпуска по уходу за ребенком мама вынуждена была сдать меня в ясли, я постоянно болел, и врачи не были уверены,

что не умру до года. В это время отца вызвали в Москву, а мама должна была отработать еще год. Ей полагался месячный отпуск, и она подала заявление. Но начальник медчасти, понимая, что мама может и не вернуться (поскольку папа уже уехал из Магадана), решил, что ребенок останется в круглосуточных яслях.

– Да, вы вольнонаемная и имеете право на отпуск, – заявил он, – но ребенка с вами я отпускать не обязан.

Мама была в отчаянии. И тут ее выручил один из ее бывших пациентов – из политических заключенных. Надо сказать, что врачей на Колыме не хватало, и лечили они всех – и охрану, и заключенных, и начальство. И вот бывший зек, уже отсидевший, но не до конца отпущенный, «на поселении», который работал при медсанчасти, кажется, истопником, он маме и помог – в благодарность за то, что она его с того света вытащила.

Этот человек подрабатывал тем, что мастерил чемоданы – делал их из фанеры и обивал дерматином. Фабричных-то в ту пору не было, люди в основном ездили с узлами да с корзинами. А он мастерил очень неплохие, аккуратные. Промерив мой рост, он сделал для мамы небольшой чемоданчик и прокрутил в нем едва заметные дырочки, чтобы я не задохнулся.

Перед вылетом мама напоила меня успокоительным, чтобы не заплакал в неподходящий момент, и я почти сутки проспал. Самолеты были небольшие и ненадежные, лететь нужно было до ближайшей пересадки на поезд часов семь. Надежной оставалась только охрана, контроль на вылете и при посадке.

И вот мама, упаковав меня в чемодан и замирая от страха, подходит к контролеру, замерзшими руками приоткрывает застёжки чемоданчика, и тут (вот уж действительно чудо!) она видит, что этот охранник – ее бывший больной, она даже вспоминает его имя и отчество! Порой в критические моменты жизни память нам действительно преподносит сюрпризы. Ведь за это время через ее руки прошли сотни больных.

– Ну как, Иван Макарович, печень больше не беспокоит? – спрашивает она заботливо. Иван Макарович, которого докторша вспомнила и назвала по имени-отчеству, разулыбался, вскользь глянул на содержимое приоткрытого чемодана, и посчитал неудобным рыться в женском белье докторши, которая ему так помогла.

В самолете, где помещалось человек четырнадцать, летчик посоветовал пассажирам положить вещи на пол. Может

начаться тряска, не исключено, что кто-то ударится. От одной мысли, что ее больной годовалый сын будет лежать на ледяном полу салона, мать сама похолодела. Она крепче прижала к себе чемодан и сказала пилоту, что везет в министерство ценные бумаги, и ей велено довести их в сохранности. Это подействовало, и больше ей не предлагали освободиться от багажа.

– Тот перелет стал для мамы самым тяжелым воспоминанием в жизни. Семь часов она сквозь рев мотора пыталась услышать мое дыхание и в то же время боялась, что я проснусь и закричу».

Времена, конечно, не выбирают. Но в любом времени есть люди, которые, рискуя если не жизнью, то уж точно – судьбой, помогают спасти ребенка. Я думаю о той докторше, о том летчике, о тамариной матери. Я думаю о том заключенном-истопнике, изготовившем чемодан для малыша. А еще – о невероятной материнской любви.

3. Все бы отдал за...

Фраза «Полцарства – за коня» всем, наверное, знакома. Не всегда деньги или материальные блага становятся самым необходимым. Бывает, что более важна чья-то своевременная помощь, минуты и секунды, а то и просто добрый совет. Вот здесь и случаются чудеса...

«Ищи человека»

Одна моя знакомая, врач, как-то сказала: «Не борись с системой, ищи человека...» Возможно, кому-то такой совет покажется конформистским, но я не раз убеждалась в его действенности.

Вот рассказ одной матери особенного ребенка, как иллюстрация этого простого правила.

«В начале девяностых годов, когда обвалились все поставки импортных лекарств, многие просто не знали, как спасти своих близких. Моему мальчику нужен был церебролизин в ампулах, без него он бы просто не смог дальше жить. В поисках средства я дошла до начальника областного аптекоуправления, и он откровенно мне сказал: этого лекарства нет в стране.

Я стояла и смотрела на него, я просто не знала, что делать и куда еще идти. Может, вид отчаявшейся матери чем-то тронул этого человека, он сказал: «Попробую вам помочь...» Мы привыкли, что чиновники – это какие-то бездушные механизмы, служители системы, лишённые сострадания и совести. Но иногда и чиновничье сердце – это сердце человеческое.

Без особых надежд я вышла из аптекоуправления, я не знала, как мне смотреть в глаза своему ребенку, измученному головными болями. Неожиданно через неделю раздался телефонный звонок от того самого чиновника. «Приходите за церебролизином». Между тем, в то время церебролизин был на вес золота, в объявлениях и по телевидению, и по радио, и в газетах то и дело проносился просто-таки стон: «Срочно! Церебролизин за любую цену!»

И вот захожу в кабинет, и начальник подает мне сверток, в котором золотые для меня ампулы. На них что-то написано иероглифами, и никакого перевода, даже на латинице, – нет.

– Это точно церебролизин? – засомневалась я. – И сколько я вам должна?

– Нисколько. Идите и лечите своего мальчика.

Позже я еще раз зашла к этому человеку, просто поблагодарить. И узнала, каким путем попали ампулы в мои руки. Этот человек, не имея возможности помочь мне через официальные каналы, нашел телефон старинного приятеля, с которым когда-то вместе учились. Тот связался со знакомым судовым врачом торгового судна во Владивостоке, который как раз собирался в рейс до Японии. В Японии врач купил те заветные ампулы, предназначенные, конечно, для японцев – потому и промаркированы они были только по-японски.

Те ампулы помогли поддержать здоровье моего сына. Он до сих пор жив, и при его диагнозе, неплохо себя чувствует.

Прошло более двадцати пяти лет с тех событий. Начальник аптекоуправления давно ушел на пенсию, переехал из Томска куда-то в европейскую часть страны к родственникам, фамилий его далекого друга и того судового врача, который купил в Японии ампулы, я, к сожалению, не знаю. Но я все время вспоминаю этот случай, и по прошествии лет все чаще думаю, что в тех условиях, в той неразберихе, в том всеобщем пофигизме нашлись ответственные люди, которые, по сути, спасли моего мальчика – больного ребенка, которого они никогда в жизни не видели. Спасли не по обязанности, а из человеческого сострадания. Для меня это осталось в памяти настоящим чудом милосердия».

Статус и фамилия – для доброго поступка

Как часто люди при должности, одна фамилия которых наводит трепет на окружающих, пользуются этим для решения каких-то своих меркантильных делишек. Но иногда люди со статусом просто помогают другим, даже незнакомым. Вот рассказ женщины, которой помог именно такой человек.

«В годы перестройки отправилась я в отпуск к тетушке в Фергану вместе с четырехлетним сыном. Мне тогда было двадцать пять, сама еще девчонка, почти никакого жизненного опыта. И хотя более опытные знакомые предупреждали, что в союзных республиках процветает коррупция, а потому на всякий случай денег надо взять побольше, я как-то не предполагала, что столкнусь с этим злом.

Погостили мы у тетушки, собрались в обратную дорогу, с сумками и чемоданом приехали на вокзал Ферганы. Подошла моя очередь к кассе, я попросила сквозной билет от Ферганы до Томска через Ташкент, где была пересадка. Кассирша отдает мне билет, а там написано: «Ташкент-Омск».

– Простите, но до Ташкента-то мне как добираться? А из Омска до Томска? И ребенка вы в билет не вписали...

– Ничего не знаю, – на голубом глазу отвечает кассирша, – как дала, так и дала. Следующий!

Я пытаюсь что-то возразить, но меня отталкивает следующий, очередь напирает, и меня из нее просто выталкивают. Я стою посреди вокзала в чужом городе, через полчаса посадка до Ташкента, на чемодане дремлет мой ребенок, и я не могу понять, как вернуться домой? Слезами горю не поможешь, но слезы все-таки капают, до меня постепенно доходит безвыходность моего положения. И вдруг чей-то голос:

– Девушка, вам помочь?

Рядом остановился средних лет мужчина, я ему протягиваю билет, всхлипывая, обрисовываю ситуацию. И тут меня озаряет:

– Может, надо было ей денег дать? Кассирше... Но у меня просто нет...

Мужчина достает блокнотик, пишет какую-то коротенькую записку, и снова отправляет меня к той же кассирше с напутствием:

– Не надо ей никаких денег давать. Покажите это.

С запиской, на которой успеваю только бегло посмотреть фамилию, подпись и должность «прокурор...», я снова врезаюсь в очередь. Подаю записку, и вдруг... Кассирша становится как шелковая. Магическим образом она мгновенно понимает, что билет мне нужен сквозной, от Ферганы до Томска, что туда должен быть вписан мой сын, и что никаких дополнительных денег она с меня не получит. Она выписала новый билет, на этот раз в нем было все как надо.

Выхватив билет, я кинулась искать своего спасителя. Но его нигде не было. Посмотрела на вывеску здания неподалеку: «Прокуратура города Ферганы». Видимо, человек просто вышел на перекур, увидел меня и, проходя, сделал доброе дело.

Тридцать с лишним лет прошло с тех пор, сын давно вырос и у него собственные дети. Но тот случай мне запомнился на всю жизнь. Бывают такие отчаянные моменты, когда хоть вешайся, и вдруг помощь приходит как из воздуха. А может, мой ангел-хранитель подсуетился?»

«Не думай о секундах свысока»

Третья история тоже связана с дорогой, но здесь, видимо, ангелы-хранители работали напрямую – без посредников. Рассказала историю одна из женщин.

«В 1993 году, в августе моему сыну после лечения облздрав выдал льготную путевку для долечивания – в Кисловодск. Я купила билеты в одну сторону, а обратных билетов не дали, сказали, что будет повышение цен уже в сентябре.

Подходит время брать обратные билеты, и цены оказываются втрое больше прежних. В очереди познакомилась с другой томичкой, оказавшейся в такой же ситуации. Кое-как наскребли на билеты. Наступает день отлета. В аэропорту объявляют, что наш рейс отменен из-за недобора пассажиров. Администратор посоветовала вернуться в санаторий и подождать дня три-четыре. Но в санатории наши места были уже заняты, да и денег в обрез – все ушло на билеты. Стоим мы с Тамарой, смотрим на большую карту необъятной страны, и думаем, что же нам делать с этой ее необъятностью. Вдруг Тамара спрашивает:

– Какие самолеты еще могут лететь в нашу сторону?

– Только до Екатеринбурга, ночной рейс до Норильска, посадку делает в Екатеринбурге.

Кидаемся к кассе, просим поменять билеты отмененного томского рейса на Екатеринбург. И нам достаются последние четыре билета – два взрослых, два детских. Посадку уже объявили. Прямо с сумками бежим к самолету.

Самолет переполнен, как трамвай в час пик. Едут в основном норильчане, а это народ особый. Поскольку живут они от навигации до навигации, из отпуска стараются довести до дома все, что помещается в руках и в зубах.

– Вы как взлетать будете? – слышу шепот одной бортпроводницы – к другой.

– Понятия не имею, – шепчет та в ответ, – только с божьей помощью...

Кое-как протолкнувшись к местам, видим, что вокруг занято все пространство, включая места для младенцев, проходы и уголки возле туалетов.

И все же долетели! Из Екатеринбургского аэропорта (из плюс тридцати градусов в минус один) на каком-то залетном ночном автобусе едем на железнодорожный вокзал. До отхода поезда «Томич» полчаса.

Влетаем с полусонными замерзшими ребятишками в здание вокзала и покупаем последние четыре билета в последнюю купе последнего вагона. И у каждой из нас по три тысячи – последние, их хватило, железнодорожники еще не успели цены повысить.

– Вы поторопитесь, уже объявили, что поезд отходит, – напутствует кассирша.

Мчимся в последний вагон, закидываем детей, потом сумки и чемоданы, заскакиваем. Я поднялась последней и почувствовала, как за спиной будто сдвинулась земля. Поезд тронулся. Вот такая оздоровительная поездка получилась. Точно ангел-хранитель нас тогда по секундам от места к месту пронес».

Чудеса случаются чаще, чем мы успеваем их замечать. Но на то и жизнь, чтобы учиться замечать и помнить с благодарностью.

4. Держи карман шире

Трудно писать о деньгах в стране, где прижились такие поговорки, как «Не жили богато, неча начинать», «Всех денег не заработаешь» или вовсе убойная фраза: «Ничего – себе!» Но несколько простеньких историй, связанных с деньгами, у меня в запасе есть.

Неразменная трешка

Женщина, рассказавшая этот случай, сама уже давно бабушка. Но и бабушки когда-то были студентками.

«Я училась в педагогическом, жила в общежитии, как водится, впроголодь. Единственная моя родственница – тетя Вера – жила в Лоскутове, до которого тогда добраться можно было на поезде или на попутках. Поэтому приезжала я к тетушке нечасто, когда уж совсем туго было. И вот в один из таких приездов тетя Вера, которая сама когда-то заканчивала строительный институт, насобирала полные сумки продуктов, а еще дала мне трехрублевую купюру. Купюра была уже изрядно потрепанная, с краю заклеенная папиросной бумагой (полупрозрачной).

– Других денег нет, возьми на всякий случай, неделю про-

держишься.

В те годы на трешку неделю вполне можно было прожить. Взяла я купюру, сумки и отправилась в общагу. Видимо, от чистого сердца дала мне тетя Вера ту денежку, потому что прожила у меня за обложкой паспорта та купюра до самых девяностых годов. Я бы ее не стала менять на новые деньги, она у меня хранилась, как талисман. Но при переезде, а может, при обмене паспорта куда-то пропала.

Приезжаю я в общежитие, собираюсь пойти в общежитскую столовую – разменять трешку и перекусить. Навстречу староста группы:

– Где тебя черти носят! Стипендию раньше выдали, всем раздала, тебя только жду...

Потом как-то в магазине увидела капроновые чулки, так захотелось купить, а при мне только тетушкина трешка. Уже и достала ее, да перерыв на обед помешал. Возвращаюсь в общежитие, а там квитанция на посылку: мама прислала в числе прочих вещичек капроновые чулки. Все это были мелочи житейские, я поначалу и внимания на них не обращала. Но стоило мне достать заветную трешку или просто подумать о ней, как деньги или нужные вещи каким-то образом попадали ко мне, и трешка оставалась в паспорте.

Однажды летела я самолетом в родной город на каникулы. Денег было впритык, только-только до мамы добраться. А тут рейс перенесли на сутки. Терпела, сколько могла, потом так есть захотелось. Достала заветную трешку и направилась в буфет. И встретила бывших одноклассников, которые тоже на каникулы к родителям ехали. Они были при деньгах, накормили меня, еще на всякий случай с собой дали, если такси понадобится.

Я уже работала, находилась в декретном отпуске, выдали мне талон на покупку фланели для пеленок. (Тогда уже был тотальный дефицит, пеленок не достать, да и фланель была редкостью). Я взяла деньги, сколько могла себе позволить, приехала покупать. Но фланель оказалась дороже, не хватало как раз трех рублей. Да и фланель-то такого грязно-бурого цвета, что в руки брать не хочется – кто только такую ткань раскрасил для младенцев, как в нее ребенка заворачивать! Но делать нечего – достаю я свою трешку заветную. Очередь напирает – дефицит ведь! И тут женщина легонько под локоть меня толкает, отвела в сторонку и говорит:

– Не бери ты эту дрянь. Я тебе пеленки так подарю. Мои подросли, пеленками почти не пользовались, сразу – в подгузники и в ползунки. Они у меня в лето родились, в жару. А ты зимой родишь.

Привела меня домой, чаем напоила и подарила двадцать пять новехоньких фланелевых пеленок небесного цвета и двадцать пять белых. Это было такое богатство в ту пору! Я растерялась. Чем отблагодарить?

Она отмахнулась – пользуйся на здоровье...»

Вот такие нехитрые чудеса происходили с заветной трешкой у этой женщины.

Помощь с небес

Эту историю рассказал мне специалист компьютерной фирмы, где я когда-то работала. На заре компьютерной революции шли по городу два студента-тусуровца и думали, где бы им достать десять долларов на очень важную техническую штуку. Доллар тогда равнялся шести рублям, но у них в карманах и рублей-то не было. А штука была для обоих очень важна, поскольку с ее помощью они намеревались изобрести что-то еще более важное и полезное. Они уже искали у частников и в магазин заглядывали, видели то, что им нужно. Но стоило оно 10 у.е. (то есть, тех же десять долларов).

И вот идут они по проспекту Ленина, сворачивают на проспект Кирова, перебирая всех, кто мог бы им одолжить за-

ветные десять долларов.

– Боже, ну есть же где-то люди, у которых сотни долларов лежат без всякой пользы! – посетовал один, глянув вверх, – А тут для дела надо, и где их взять!

И видит, как сверху порхает и кружится, и неторопливо опускается прямо к их ногам одинокая десятидолларовая купюра.

– Мы сначала просто тупо смотрели на нее, – вспоминал мой собеседник, – только когда она от ветра завертелась, я ногой придавил. Потом мы долго ее рассматривали – вдруг фальшивая? Но по виду вроде настоящая. Потом стали смотреть на окна политеховской общаги – мимо нее как раз шли. Но вряд ли кто-то из студенческого общежития стал бы разбрасывать доллары. Да и окна все были закрыты. В общем, метнулись мы в магазин, купили то, что было нам нужно. Купюра, кстати, оказалась настоящей...

Дедовы хитрости

Михаил Федорович Орлов прошел войну и вернулся домой на своих ногах, что уже можно считать чудом, учитывая, что воевал он на Ленинградском фронте, от пуль не прятался. ранен был два раза, но легко.

Телевизоров в пятидесятые-шестидесятые годы еще почти ни у кого не было, и вечера коротали за игрой в лото. Играли на мелочь, в основном, на азарт. И дед Михаил частенько выигрывал больше всех. Начнет фишки раскидывать, перед этим подует в кулак, что-то пошепчет, кинет, и один в один попадет себе в прибыль. Это бы и осталось в памяти у других просто как везение. Но тут изобрели спорт-лото. Михаил Федорович не был человеком азартным, наоборот, был спокоен и нетороплив. Но когда покупал бланки спорт-лото, домашние знали: к деду лучше сейчас не приставать. Он надевал очки, сосредоточенно смотрел на квадратики, а потом одним махом размашисто ставил в них кресты. И выигрывал.

Попросила его бабка стиральную машину. Дед посидел над бланками, почеркал крестики. И выиграл именно стиральную машину. Потом выиграл холодильник. Поскольку один холодильник в квартире уже был, бабка решила, было, торгануть – не просто продать, а с прибылью (дефицит был кругом, за холодильниками в очередь записывались, с рук втридорога покупали). А бабуля и попросила-то «сверху» всего пять рублей. Просила никому не говорить, боялась, что дед рассердится. И дед-таки узнал и рассердился. Дома был громкий скандал, бабуля те пять рублей, конечно, вернула покупателю, иначе дед обещал никогда больше ничего не выигрывать.

Дед любил дарить. Таким образом, играя в спорт-лото, он выиграл и подарил внучке пылесос, ковер (тоже дефицит в то время), внуку выиграл мопед и коньки. Как он умудрялся это делать, никто не понимал. Возможно, и сам дед Михаил не понимал, действовал по наитию. Но что правда, то правда – легкая рука была у деда, а может, щедрая душа, за то и был наделен таким даром.

Было это в городе Анжеро-Судженске, где о феномене Михаила Орлова знали многие. Не было случая, чтобы дед Михаил, купив бланки спорт-лото, хоть что-нибудь да не выиграл. Иной раз выигрывал такое, что и не знали, что с этим делать: косметический аппарат какой-нибудь или чудо-печку, с которой бабуля не умела обращаться, а потому подарила соседке. Выиграл дед как-то спортивный костюм, причем, ярко-красный, с белыми лампасами. Носить он его отказался, но иной раз любил пошутить: «Бабка, где мои красные революционные шаровары? Погладь, да стрелки наведи, я на балкон выходить в них буду...»

Дед Михаил был чудак и шутник, никого не боялся и жил, как хотел. Может, потому ему и везло.

5. О курортных романах

Не думала, что придется писать на столь деликатную тему, но, как говорится, «песня позвала в дорогу». Недели три назад позвонила через интернет знакомая и попросила совета, поскольку попала в довольно щекотливую ситуацию, находясь на отдыхе в Черногории. Она разрешила мне рассказать об этом, притом, что я не буду упоминать ее имени. Итак, ее рассказ от первого лица.

«Он назвал меня водной девой»

– Я приехала в Черногорию артрит лечить, суставы замучили. Деньги дали дети. Хотели мне на день рождения подарок сделать – скинулись и купили путевку. И вот на третий день моего отдыха иду я утром на море искупаться, навстречу машина («вольво», кажется). Увидев меня, водитель останавливается, разворачивает машину, выходит и предлагает подвести до пляжа. Я поехала, а сама думаю: до чего же здесь молодые внимательны к нам, пожилым людям! Доехали, попрощались.

На следующий день повторяется та же история, только теперь он едет в моем направлении. Тут уже «меня терзают смутные сомнения»: что надо молодому красивому парню

на «вольво» от пожилой учительницы из Сургута? Он представился, зовут Марко, приехал тоже отдыхать, живет, насколько я поняла, на севере страны (хотя где здесь у них может быть север – понятия не имею). В общем, познакомились. Он, хоть и плоховато, но говорит по-русски.

Я прощаюсь, а Марко удивляется – пойдём, мол, купаться. Краснею, как маков цвет, скидываю свой сарафанчик на лежак (я в последний раз раздевалась на пляже рядом с мужчиной лет двадцать назад, и это был мой законный муж!) В общем, иду я поскорей в море и думаю, как бы мне уже оторваться от такого настойчивого внимания. А Марко плывет рядом и кричит мне: «Ты... Водна дева!» Видимо, забыл, как по-русски «русалка».

Тут уже во мне учительница проснулась с тридцатилетним стажем: ну думаю, держись, маленький нахал, я покажу тебе «водну деву». Я ведь все детство на реке жила, плаваю-то неплохо. Нырнула поглубже, свернула и скорей-скорей к берегу, думаю, сейчас сарафан свой захвачу и сбегу...

Не учла я одного – что море-то совсем прозрачное, и все мои манипуляции под водой отлично видны. Выныриваю, а этот шкет рядом – улыбается: «Ты – супер!» Это еще цветочки! Идем к лежакам, он мне предлагает: давай, мол, ночью приедем сюда купаться! Тут я вспомнила Ильфа и Петрова: «Голые при луне плясать не будете?» Бессмертное про-

изведение...

«Они из силикона, ты настоящая!»

Села я на свой лежак и уже, как строгая учительница, ему объясняю:

– Марко, мне шестьдесят три года, я приехала отдыхать, я пенсионерка, что тебе от меня надо?

Не верит: ты, мол, наговариваешь на себя, я тебе не нравлюсь? Ну, дите, что с него взять. Ладно, говорю, поехали до моего отеля, покажу тебе паспорт. А в моем загранпаспорте фото такое, что даже выдавшая виды паспортистка, помню, ойкнула: «Это вы?»

Показываю ему загранпаспорт. Мальчик отворачивается, закрывает лицо руками, вижу, что плачет. Только этого не хватало! Посадила его во дворике под пальмой, принесла воды, успокаиваю как могу: найдешь ты себе девушку своего возраста, полюбишь, все будет хорошо.

А он зло так: не треба мне младу девойку, мне треба ты. Я видел, как ты приехала с чемоданами, такая неприступная, как царица. Таки очи, такой голос, таки движения руками... Млады девойки фальшивы, они все из силикона – губы из силикона, грудь из силикона, мозги из силикона! Ты

настоящая.

– Ну, не все ж такие, – утешаю его, – есть и порядочные девушки с нормальными мозгами, хочешь, познакомлю? – (В нашем отеле молодая женщина живет, тоже из Сургута, Лена, я про нее подумала).

– Знаю, – усмехается парень, – им надо гражданство и мой кошелек.

– А тебе-то что надо от меня? – спрашиваю его, – если ты – «юный альфонсино», так знай, что денег у меня немного, у меня дома дети и внуки, и гражданство мне тоже не надо.

– У мене свой кошелек есть! – возмущается, – ты только рядом будь, и все...

Вот так теперь и дружим. Не подумай плохого, просто легкий флирт. Он меня провез по всей Черногории, показывал монастыри, крепости, ездили на фестивали (они тут каждую неделю в разных курортных городках). Чувствую себя, будто лет десять с плеч сбросила. Все это больше похоже на водевиль: молодой жиголо соблазняет престарелую вдовушку. Только жиголо-то в этой истории – я! Он ведь не дает мне нигде платить, сам везде платит. Что ж мне делать? Мне-то

не до смеха, я серьезный человек!

Я детям ничего не говорю, это же неприлично! Но знаешь, смотрю по сторонам – а ведь здесь много моих ровесниц, и они тоже часто в компании сорокалетних юнцов в кафе и на пляже. Причем, насколько я поняла, в основном это русские женщины с севера, из Сибири. Впрочем, познакомилась с женщиной, она моих лет, из Мурманска.

Что это за поветрие такое? Кстати, Лена, которая тоже из Сургута, она – блондинка, так даже перекрасилась в какой-то блеклый цвет – чтобы меньше на улице приставали. Не привыкли мы, сибирячки, к такому мужскому вниманию, оно нас пугает, я не знаю, что с этим делать...

Синдром Маргариты

Я для себя определяю это, как «синдром Маргариты», когда сильная женщина любит слабого мужчину и ради него готова хоть к черту в пекло броситься, чтобы его спасти. Это наш менталитет. Мы не привыкли к мужскому вниманию (разве что 8 марта), не привыкли, чтобы вставали при нашем появлении, угощали дорогим вином или катали на автомобиле просто так, для нашего удовольствия. Мы тут же начинаем искать подвох: а вдруг мошенник или, не дай Бог, маньяк какой-нибудь? Мы с трудом учимся просто улыбаться, радуясь чему-то, тут же плюем через плечо, боясь сглаза, или уж не знаю, чего. Просто радоваться жизни кажется-

ся нам непозволительной роскошью, будто проникли в царствие небесное с черного хода, и нас в любую минуту могут оттуда выкинуть.

Поэтому на курортах мы, женщины «элегантного возраста», осторожны и недоверчивы, и чтобы достучаться до нашей души, мужчине нужно заплакать или попасть в беду. Вот тут-то мы и проявим себя!

Северные «снегурочки»

Но интересна еще и такая особенность: сибирячки за рубежом смотрятся лет на пятнадцать-двадцать моложе своих южных ровесниц. Не знаю, есть ли на эту тему какие-нибудь научные подтверждения, но факт остается фактом. Суровая Сибирь, с ее морозами, с зимой по полгода (а в случае моей знакомой – и до восьми-девяти месяцев), оказала нашим женщинам огромную услугу. Точно продукты в холодильнике, мы дольше сохраняем свою молодость, как бы ни была сурова жизнь. Да, южане живут дольше. Но молодость дольше сохраняют сибирячки.

Помню, лет сорок назад отдохали мы в Абхазии и жили на квартире у одной пары. Мне муж и жена казались ровесниками (лет по сорок-сорок пять). Я еле скрыла свое удивление, когда узнала, что жена оказалась моей сверстницей – двадцати пяти лет. Видимо, постоянное пребывание на солн-

це – тоже не всегда хорошо.

Недавно перезвонила мне та же знакомая, рассказывает подробности: их с Марко пригласили на свадьбу.

– Помнишь, я говорила, что познакомилась с женщиной из Мурманска? Она тоже пенсионерка, вдова, у нее дети, внуки. Потом как-то вижу ее в кафе рядом с высоким мужчиной. Как она мне после сказала, ее знакомый – капитан прогулочного кораблика, туристов возит по побережью. На днях встречаю ее – ищет свадебный салон: они с ее Драганом решили пожениться. Пара красивая, но она-то старше его на пятнадцать лет!

– Послушай, а как твой артрит? – напомнила я.

– Артрит? А... не знаю, я что-то про него совсем забыла, мы столько раз танцевали, и никакого артрита. Зачем ты только напомнила!

Но вот что еще интересно в этой истории помимо внешности, возраста и т. д. Мужчины устали от силикона и макияжа, устали от гламура, они ищут чего-то настоящего – настоящих эмоций на лице, настоящей радости, удивления, улыбки, настоящих чувств. И, возможно, это главное. Так что – курортные романы – это не всегда плохо.

6. Ангелы пусть отдохнут...

Тема сексуальных домогательств в последнее время обсуждается везде и всюду, это стало даже модным. То и дело какая-нибудь теледива откровенничает о том, в какую депрессию она провалилась после похлопывания по мягкому месту или щипка в грудь. И, тем не менее, я рада, что все это выходит на свет божий. Девочек семидесятых годов от похотливых самцов порой спасало только чудо...

Молодым трудно представить, что тогда не было не только секций карате (этот вид спорта вообще был запрещен, как «буржуазный»), не было даже курсов самообороны для девушек. Спасались, кто как может. Одна моя знакомая, майор милиции, рассказывала, что в студенчестве носила в кармане рассыпанный молотый перец. И если кто-то пытался на темной улице ее догнать с определенными намерениями, она этим перцем сыпала ему в глаза и убегала.

– Перец ведь нельзя приравнять к холодному оружию, – объясняла она мне, – это пищевой продукт. И как же часто мне приходилось применять этот продукт не по назначению!

Однако, даже если жертве удавалось довести дело до суда,

несмотря на закрытость таких судов, адвокаты насильников, действовавшие по принципу «сама такая», смешивали доброе имя девчонки с грязью, и это оставляло на душе не менее тяжкий след, чем само насилие... Но иной раз происходили чудеса, спасавшие девчонок от подонков.

«Саша, помоги!»

Вот рассказ одной коллеги.

«Я училась в культпросветучилище, и на Новый год мне поручили роль Снегурочки. На празднике было много гостей, в том числе молодой красивый офицер. Он обращал на себя внимание многих тем, что был почти седой. После вечера он вызвался проводить меня, и мы начали встречаться. Мне льстило внимание необычного красивого парня, но особой любви я тогда не чувствовала. И вот, уже перед следующими новогодними праздниками, когда он провожал меня домой, я сказала, что нам лучше расстаться. И вдруг Саша заплакал. Смотреть, как высокий красивый парень в офицерской шинели стоит и плачет передо мной, точно маленький ребенок, было противно. Я жестко сказала ему: «Не провожай, сама дойду». Развернулась и пошла, хотя до дома было довольно далеко.

И вдруг, из какой-то подворотни выскакивает группа шпаны, человек семь или восемь, со свистом и улюлюканьем

окружают меня, толкают один к другому, рвут на мне пальто. Это были не люди, а стая голодных псов!

В тот момент мне казалось, что спасения нет, и я закричала. Но закричала почему-то не «мама» или «папа», не «помогите, спасите». Я закричала: «Саша!».

Саша возник как из воздуха. Раскидал всю эту шантрапу, и, прижав меня к себе, спросил:

– Ты не ушиблась?

На следующий день мы подали заявление в ЗАГС. Я поняла, что надежней Саши никого нет. Тогда я еще не знала, что Саша воевал в Афгане. Но поседел он после того, как ему было поручено сопровождать «груз-200». Сколько проклятий и слез матерей он пережил, когда привозил в семьи цинковые гробы, сколько ненависти принял на себя. Саша рассказал мне это, когда у нас появились собственные дети. Вот откуда была его седина, откуда были его слезы. Как я могла в восемнадцать лет понять, что это не слабость, а просто горе.

А в тот вечер, когда я с ним рассталась, он некоторое время шел за мной, чтобы еще раз проводить, хотя бы на расстоянии. А потом пошел, куда глаза глядят. Это чудо, что

издали он услышал мой голос и рванул ко мне. Это чудо, что он успел вовремя.

Спас... сенокос

Студентка шла домой после спектакля. В Томске гастролировал Челябинский оперный театр, мощные красивые голоса, прекрасные костюмы и декорации, в тот вечер ставили «Кармен», и под впечатлением от спектакля она шла пешком по пустым улицам, а идти ей нужно было на Степановку, где она снимала комнату у старушки. Начался ливень. Она сняла босоножки, и, размахивая ими, весело шлепала по улице босыми ногами. Рядом остановился газик, водитель, мужчина средних лет, в защитного цвета форме предложил подвести. Собственно, потому она и села в машину – думала, что мужчина военный, а военным она доверяла, ведь ее отец, тоже военный, был майором.

– Мне только до переезда, – сказала девушка, – там я сама доберусь.

Когда миновали улицу Шевченко, и водитель не повернул с Фрунзе, девушка что-то заподозрила.

– Я по другой дороге вас довезу, – успокоил он, – на Шевченко все перерыто.

Они поехали прямо, но ехали очень быстро, девчонка не могла понять, где они находятся. Сквозь ливень в заднее окошечко еле разглядела огоньки на трубах ГРЭС. Трубы были уже не больше спичечного коробка.

– Куда вы меня везете! – в ужасе закричала она.

И тут водитель повернулся к ней лицом, и она увидела оскал зверя. Военная гимнастерка оказалась просто камуфляжем – погон на ней не было.

Звать на помощь некого. Ночь, по обеим сторонам дороги чем-то засеянные сельхозугодья. Машина летит на полной скорости, девушка попробовала открыть дверцу, но увидела только мелькание кустов и глубокую колею. Она не захлопнула дверцу и держалась за ручку, чтобы, в крайнем случае, все же выпрыгнуть. Как на зло, вокруг мелькали только открытые поля. Даже если выскочит и останется цела, как в поле спрятаться от этого верзилы?

Дождь закончился, в полном молчании они мчались по пустой проселочной дороге. Вдруг из-за поворота сильный свет огней и рев приближающихся моторов. Затем показались комбайны с какими-то широкими – на всю дорогу – сеялками-веялками. Ни объехать, ни обойти.

Девчонка сообразила, что комбайнеры, оглушенные своими моторами, вряд ли услышат ее крик о помощи. Но ее похититель вынужден был свернуть на обочину, и двигался теперь очень медленно, боясь зацепить комбайны.

И она выпрыгнула в придорожную канаву, где были хоть какие-то кусты.

– Моему крепдешинovому голубому платью пришел конец, – позже вспоминала эта девушка, – я почти нырнула в густую грязь. Но это меня и спасло. Грязь закрыла меня так, что я с ней почти слилась. Комбайны проехали, он начал светить фарами, кричал «Эй, ты где?» – он ведь даже не знал меня по имени. Я прижалась к земле и не шевелилась. Выматерившись, он залез в машину и, наконец, отъехал. Я выбралась из колеи, только когда шум мотора заглох вдали. Повернула к городу и пошла, вся в грязи. Но тут опять начался такой ливень, с молниями и громом, что всю грязь с меня смыло. Обычно я боялась грозы, а тут, после случившегося, молнии уже не пугали. Я шла и пела. Ориентировалась я на трубы ГРЭС. К шести часам утра добралась до своей комнаты в порванном платье, с разодранными коленками, но очень довольная собой, что спаслась от насильника. С тех пор ни в какие попутки больше не сажусь. Это просто чудо, что комбайны именно в ту ночь возвращались с сенокоса...

Ночь откровений

Попытка изнасилования – неприятная тема для разговора. Но однажды, когда одна из нас, тогда студенток, вернулась домой вся в грязи, с подранными колготками и синяком под глазом, и рассказала, что еле вырвалась из лап какого-то подонка в ближнем скверике, – эта тема все-таки возникла. И хорошо, что была у нас в жизни такая ночь. Потому что жили мы в общежитии, далеко от мам и пап, да и не всякая девочка в восемнадцать лет, разоткровенничается с мамой на такую «стыдную» тему.

Не знаю, проводились ли какие-либо социологические опросы в то время, могу сказать только, что нас в комнате было четырнадцать сверстниц, и из них лишь одна (ОДНА!) не имела подобного горького опыта. Да и то потому, что жила в военном городке, и папа ее был комендантом этого городка. Не было тогда такой службы, как «телефон доверия», о психологах вообще не знали, и только мы, заветные подружки, в темной общежитской комнате делились своим опытом спасения или пережитым горем жертвы. Кому-то вовремя помог милиционер, кто-то успел закричать, и услышала соседка. Одну девочку от нападения родного отца спасла мама... Но я не хочу продолжать эту тему. Скажу только, что нашим ангелам-хранителям работы доставалось.

А теперь, когда есть возможность научиться защитить се-

бя самостоятельно, когда есть куда обратиться и когда можно громко прокричать об этом, ангелы пусть отдохнут...

7. Тоска по не сбывшемуся

Ах, если бы в жизни, как в сказке, иногда встречался бы нам тот заветный камень, на котором было бы начертано: «Направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – с чудовищем сразишься, прямо пойдешь – не быть тебе живу...» Или что-нибудь в этом роде... Мы бы хоть как-то сориентировались в жизни, сделали бы осознанный выбор...

На самом деле судьба постоянно подбрасывает нам такие предупреждения, и более того, если мы когда-то сделали неправильный выбор, она частенько дает нам второй шанс. Только надо его вовремя увидеть...

«Замороженная» мама

Сначала короткая притча для тех, кому (не приведи господь!) приходилось хоронить своих детей. Потеряла женщина сына-младенца. И так она убивалась от горя, что задумала даже руки на себя наложить. И когда уже совсем отчаялась, приснился ей сон. Будто сидит она в каком-то трактире, а рядом с ней Николай-угодник (святой, которому она молилась). Смотрит женщина по сторонам и видит за соседним столом какую-то пьяную компанию. Выпившие ведут себя агрессивно, то и дело ссорятся между собой, задирают дру-

гих посетителей. Особенно мерзко ведет себя один из них. То и дело оскорбляет и унижает людей, а потом, глядя в глаза этой матери, начинает оскорблять ее самыми скверными словами. Женщина в ужасе смотрит на Святого Николая, а тот со скорбной улыбкой ей отвечает: «Это твой сын». После этого женщина прекратила плакать и больше не задавала вопроса «За что?»

А теперь о втором шансе. Рассказ женщины, мать которой в начале войны потеряла трехмесячного ребенка.

«Видимо, мама очень любила своего первого мужа и, когда узнала о его гибели, хотела, во что бы то ни стало, сохранить своего первенца. Но поезд, на котором она ехала в эвакуацию, разбомбили. Ребенок погиб. После этого мама жила так, будто в сон провалилась. Это я уже со слов тети – ее сестры знаю. Мы с сестрой родились уже после войны. Посватался к маме вернувшийся с фронта бывший одноклассник. Она вышла за него, просто чтобы одной не оставаться – я так думаю. Мама нас с сестрой не то, чтобы не любила, – платица сама нам шила к праздникам, иной раз целую ночь просидит, чтобы утром уже примерить – но ласки мы от нее не чувствовали. Помню, в средней школе мы уже жили в интернате, в нашем селе была только начальная школа.

Зимой в выходные к детям приезжали матери, реже – от-

цы. И мы с удивлением и завистью смотрели, как обнимали, целовали, прижимали к себе матери наших сверстников. Мама тоже приезжала, конечно, привозила пирожков домашних, какой-нибудь компот, иногда игрушки нехитрые – калейдоскоп, шарик на веревочке. Мы кидались к ней на шею. А она почти сердито отстраняла нас: «Вот еще – телячьи нежности!»

Как бы то ни было, мы с сестрой выросли, получили образование, вышли замуж, родили своих детей. И мы, конечно, баловали их и любили. И вот, когда уже внуки выросли, и дошла очередь до правнуков, приехали как-то двумя семьями к маме на юбилей (папы уже не было в живых). У меня и у сестры девочки родились, а тут первый правнук – мальчик. Прабабушка взяла его на руки, словно хрустальную вазу, вдруг – слезы из глаз (а маму мы плачущей никогда не видели!) Я и сестра переглянулись между собой – мы впервые увидели ТАКУЮ маму. Она словно помолодела лет на двадцать – просила дать ей то покормить, то поносить малыша. Словом, мама наша оттаяла.

Через год мамы не стало. Но я рада, что хоть под конец жизни я увидела ее такой, какой мы хотели ее видеть в своем детстве».

Иногда уже на склоне лет судьба дает второй шанс вернуть

несбывшееся счастье.

«Молодость ест пряник золоченый...»

Молодость ест пряник золоченый и думает, что это хлеб насущный. Сотни раз убеждалась в горькой правоте этой поговорки. Но молодость имеет право на свои ошибки, а иногда имеет возможность их исправить. Вот рассказ о таком повороте судьбы от самой женщины, совершившей когда-то, как ей казалось, ошибку.

– Дружила я в молодости с парнем. Его в армию забрали. Сначала мы часто друг другу писали, потом реже. А на втором году его службы его сестра возьми да и скажи мне: «Витька в армии себе девчонку нашел, жениться собрался...» Ах так, думаю, я тоже в долгу не останусь! И просто со зла вышла замуж за парня, который давно меня любил.

А потом вернулся Виктор, и оказалось, что сестра просто-напросто соврала, чтобы нас разлучить – не любила она меня. И вот встречаемся мы с Виктором в магазине, я уже глубоко беременная. Коротко поздоровались: как дела? – Все хорошо, удачи тебе...

Так потом и жили в параллельных мирах. Но время от времени задавала я себе вопрос: а что, если бы я тогда не поторопилась? Если бы дождалась Виктора?.. В молодости эти

вопросы как-то удается заглушить, но когда уже свои дети выросли, нет-нет, да и затоскуешь по несбывшемуся.

И вдруг обнаружили у моего супруга тяжелую опухоль. Конечно, все деньги и силы пошли на лечение, на операции, на то, чтобы вытащить его из этой беды. Я сама медик, и прекрасно понимала, чем все может закончиться. А еще я поняла, что муж мой все сорок с лишним лет нашей совместной жизни все ждал от меня единственное, что я ему так и не дала, – любви...

И вот летим мы в Москву на очередное обследование, и в самолете вижу Виктора, узнали друг друга, хотя столько лет прошло, обменялись телефонами. Мужа сразу положили в стационар, а потом я все ходила по столице, чтобы просто успокоиться. Надо же – столько лет не встречались, а тут именно в такой момент, когда мужу нужна моя поддержка, у меня все думы о том, что, если бы я тогда не поторопилась?.. И тут, будто подслушивал, звонит Виктор: мол, давай хоть встретимся, не могу отойти от того, что увидел тебя.

Встретились, зарегистрировалась я в той же гостинице, договорились вместе поужинать. Только начала вещи распаковывать, заходит он в номер... И без единого слова начался такой круговорот, в романах такого не напишут! Причем, я сама себе удивлялась – никаких угрызений совести, никако-

го стыда, будто все так и должно было случиться.

А потом я вдруг почувствовала, что рядом со мной просто чужой человек. Он не хуже и не лучше (да я и не сравнивала!) – просто это не мой человек. Утром помчалась в больницу, бежала и чувствовала себя свободной. Я поняла, что с Виктором больше не встречу, и я была рада, что все у нас случилось – это была какая-то точка, которая наконец-то поставлена в жизни. Прибежала к мужу, захотелось расцеловать его:

– Какой же ты у меня красивый, – говорю ему, – я тебя очень-очень люблю. Прости, что никогда не говорила...

Вдруг у него щеки порозовели, и в глазах слезы.

Месяц мы пробыли в Москве. Сдавали всякие анализы, томографию делали заново, в общем, все по полной программе. А в результате профессор, который его наблюдал, и говорит: «Похоже, можно обойтись без операции». Назначил всякие препараты, дал подробные инструкции, и вернулись мы в Томск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.